

Добро всегда будет крестом

19 августа 1950 года в Москве скончался выдающийся деятель русской православной церкви, исполняющий должность ректора Московской духовной академии и ректор Московской духовной семинарии, настоятель Московского Николо-Кузнецкого храма протоиерей Александр Павлович Смирнов. Его родина - Ульяновская область, Майнский район. В областном архиве сохранилась запись его воспоминаний о детстве и юности в Симбирском крае, сделанная 17 июля 1921 года по просьбе А. Жиркевича.

"Я родился в 1888 году, шестнадцатого августа в селе Круиши Симбирской губернии Карсунского уезда. Отец мой, Павел Иванович Смирнов, был священником в этом селе, моя мать - Агриппина Александровна Смирнова. Еще грудным ребенком я вместе с родителями переехал на новое место жительства в село Копышовку Симбирского уезда, где я и прожил в доме своих родителей до 15 лет. Самые яркие, сильные впечатления детства связаны у меня с храмом. Самое сильное впечатление на меня производила Пасха и уже с раннего детства я начинаю помнить себя всегда присутствующим за Пасхальной службой. К таким же впечатлениям нужно отнести крестные ходы на Иордань, на поля, на молебствия о дожде, встречу чудотворной иконы, встречу архиерея, целодневные звонны колоколов, ярко-пестрые нарядные одежды сельчан, праздничную ярмарку..."

С моментом проживания в селе Копышовке совпадают годы моего

учения в Симбирском Духовном училище. С момента перехода отца в село Игнатовку совпадает мое поступление в Симбирскую Семинарию. Во время пребывания в стенах Духовного училища, в "полубурсе" (Помяловского) я всегда томился и тосковал. Всегда меня неудержимо влекло в свое родное село. В особенности же в конце августа и в начале сентября вид зеленющих вдали в полях озимей заставлял меня иногда плакать, рыдать. Дни приезда родителей ко мне в Симбирск и взятие меня в отпуск в дешевенькие номера на Лосевой улице были для меня праздником. Лучшими воспоминаниями из жизни в Духовном училище являются молитва, чтение и пение в красивом училищном храме и сборы домой на рождественские и пасхальные каникулы. Каждый раз я на свои скромные копейки сумел купить для троих маленьких братишек игрушек, а к Пасхе сделать самых разнообразных цветных фонарей, и братишки ждали меня всегда сильно. Задавали друг

другу наивный вопрос. Коля спрашивал Митю: "Тебе что лучше было бы: много золота или чтобы Санечка приехал?" или "Тебе что-нибудь сладкого или чтобы Санечка приехал?". И оба соглашались, что лучше приехал бы я! И я действительно все время возился с ними. Лучшие впечатления их детства связаны со мной.

После окончания духовной семинарии я решил идти в Академию. Сверх ожидания я выдержал экзамены прилично и, имея прекрасный семинарский аттестат, был принят на казенное содержание, хотя и не был послан в Академию семинарским начальством. Санкт-Петербург поразил меня рядом сильных впечатлений, но почему-то сильно тянуло из этого "холодного" города к себе в Симбирск на Волгу.

После поступил на педагогическую службу в родной Симбирск - в Духовное училище, где протекли отроческие годы. Здесь я пробыл один с половиной месяца, оставив, по общему впечатлению, хорошие воспоминания у учеников, которым я старался не делать того, что, знаю по собственному моему детскому опыту, огорчало и омрачало жизнь детей, оторванных от горячо любимых ими домашних очагов.

23 декабря 1913 г. в день моего святого благоверного князя Александра Невского за торжественной службой в престольный праздник в храме третьего московского кадетского корпуса... я был рукоположен во священника. Архиепископ Анастасий был моим первым руководителем при моих первых шагах в моем приходе церкви Святого Великомученика Никиты на Кузнецкой улице. Я вступил на место, занимаемое прежде хорошим проповедником. В себе я не был уверен. Считал себя слабым. Но внутренний огонь религиозного горения, сжигавший меня по мгновению, и некоторые прежние опыты пропо-

ведничества подсказывали мне, что я все же могу проповедовать. Первое вступительное слово было живой открытой исповедью горящего сердца. И эта искренность и горячее воодушевление протянули между мной и паствой первые связующие нас нити духовного общения. Семь лет пробыл я священником в этом приходе. Революция принесла мне крестные испытания. Шестого ноября 1918 года я был призван на военную службу в тыловое ополчение. Целый день с утра до ночи я был оторван от прихода на грязные работы. Потом... я был перечислен в красноармейские части на канцелярскую работу как нестроевой красноармеец. Началось двойственное служение, по слову Христа: "Кесарева Кесареви, а Божия Богови". Когда кесарская линия пересекала Божию, началась мучительная трагедия. Но все же я честно исполнял свой гражданский долг.

Тяжелые переживания московской голодовки, холода от отсутствия топлива, ... вместе с осложнениями личной жизни побудили меня сломать московскую жизнь и переселиться в Симбирск в июне 1920 года... Из холодной, голодной, разрушаемой Москвы тянуло на Родину, к Волге, в город, дорогой по воспоминаниям детства и юности, ближе к старичкам - родителям... Но все трудности московского жития пришлось переживать и здесь. 31 января (18 января по старому стилю) 1921 года я, резолюцией местного архиепископа, был назначен штатным священником, и только с этого момента я стал пользоваться здесь доходами-жалованьем.

Моя душа и моя семья свободно вздохнули под благодатный благовест колоколов. Но недолго пришлось радоваться. Помимо моей воли, даже вопреки ей, народ, восхищаясь моей службой и проповедью, стал много, очень много и часто говорить обо мне. Слухи неслись за пределы прихода на окраины города, в пригородные села и далее.

Власть взяла меня под подозрение. Зимой стали следить... 20 марта (7 марта по старому стилю) в Воскресенье Первой недели Великого Поста была последняя служба - утром Литургия с проповедью об иконопочитании, а вечером этого дня многолюдная двух-

часовая беседа на тему "Покайтесь и верите в Евангелие" с общенародным пением... На этом прервалась моя работа в Германовском приходе. На другой день - в полночь, после двухчасового обыска с отображением у меня всех моих литературных черновых работ я был арестован ЧК".

Арест был недолгим - повод уж слишком не конкретен. Выйдя из тюрьмы, точнее из трудового лагеря, отец Александр понял, что родина может стать похуже чужбины. К тому времени оба брата - Митя и Коля - погибли в котле гражданской войны.

Забрав семью, Смирнов возвращается в Москву. Целый день священник в делах и заботах. Его приход большой: на Полянке надо причастить, на Зацепе - соборовать, на Новокузнецкой - покрестить младенца. И всюду он идет пешком, никогда не снимая рясы. На улице бросают камнями, плюют вслед. "Что ж, так Богу угодно", - с грустью повторял он.

После смерти патриарха Тихона в 1925 г. Сталин не допустил выбора нового патриарха. Местоблюстителем Московской патриархии стал отец Сергей, митрополит Московский и Коломенский.

Начавшаяся война набатом отзывалась в каждом доме, в сердце каждого человека. 7 октября 1941 года исполком Московского городского совета предложил патриархии эвакуироваться. Митрополит Сергей выразил желание не уезжать дальше любимой им реки Волги. Так центром патриархии на полтора года стал Ульяновск. В немногочисленную свиту владыки Сергия вошел и протоиерей А.П. Смирнов.

Здесь священник Смирнов вел деятельную работу: открыл храм в с. Полдомасово, церковь в Ульяновске на улице Водников. Никогда за всю историю Ульяновска не было здесь такого стечения иерархов. Приезжал сюда и будущий патриарх Алексий I. В августе 1943 года Сергей со свитой вернулся в Москву. Это была последняя встреча А.П. Смирнова с родными местами.

Собравшийся Собор епископов в сентябре 43-го г. избрал Сергия патриархом. В 1947 г. при непосредственном участии А.П.

Смирнова выйдет книга "Патриарх Сергей и его духовное наследие". За эту книгу Александр Павлович будет удостоен высочайшей награды. Патриарх Алексий возложит на отца Александра крест с надписью "Патриаршее благословение протоиерею Александру Смирнову за усердное служение церкви Божией".

Сталинская "оттепель" потребовала решения новых задач. Уже в 43 году А.П. Смирнов назначается ответственным секретарем "Журнала Московской патриархии". Открывающимся приходом нужны были кадры. Он становится ректором Московской духовной семинарии (одной из трех на территории СССР), исполняет обязанности ректора Московской духовной Академии (одной из двух в СССР). Читает литургику, философию, ведет курс латинского языка. Готовит диссертацию на звание магистра богословия. И, что удивительно, при такой непосильной для одного человека нагрузке он еще и остается настоятелем Николо-Кузнецкой церкви. Ведет службу, организует паломничество прихожан то в Саровскую пустынь, то в Троице-Сергиевскую лавру, снимая для этого по 6-8 вагонов, где едут прихожане его церкви.

Конечно же, он шел на компромисс, нанося вред своей душе, но делал это, безусловно, во благо церкви. Может быть, такое служение было ему предопределено уже при имянаречении? Ведь назван он был в честь Александра Невского, канонизированного церковью потому, что во времена татарского нашествия не раз ездил в Орду, смягчая нрав поработителей. Понимая свою слабость перед силой завоевателей, идя на компромиссы, он не давал до конца погубить Русь.

Свой крест нес и отец Александр, рассказ о котором пришел к землякам с опозданием на полвека.

Владимир Кузьмин

Фотографии из личного архива дочери А.П. Смирнова Зои Александровны (г. Москва), внучки Елены Сергеевны Плешкевич (г. Москва), Ульяновского областного краеведческого музея